

УДК 811.551.3

Т. А. Голованева

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ МИНОРИТАРНОГО ЭТНОСА

Аннотация: в статье представлен анализ мемуарных рассказов корякской журналистки Е. И. Дедык (1932 г. р.), написанных ею на корякском языке. Тексты-воспоминания представляют собой документальные свидетельства периода переустройства традиционной корякской культуры на социалистический лад. В рассказах воссоздаются значимые события локальной истории: организация нового поселка, переход кочевников-чавчуменов к оседлому образу жизни, открытие первой школы в Палане, гастроль кукольного театра, начало работы окружного Дома радио. В своих воспоминаниях Е. И. Дедык рассказывает о камчатских журналистах Н. Игиклаволе, А. Милгичил, корякском художнике К. Килпалине, с которыми она была знакома лично.

Ключевые слова: чукотско-камчатские языки, корякский язык, корякская литература, письменная культура, автобиографический нарратив, мемуаристика

T. A. Golovaneva

AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE
IN THE CONTEXT OF MINORITY ETHNOS CULTURE

Abstract. The article presents the analysis of memoir stories of the Koryak journalist Ye. I. Dedyk (born in 1932) which were written by her in the Koryak language. The memoir texts are documentary evidence of the period of transforming the traditional Koryak culture patterns into a socialist-oriented ones. Significant events of the local history are reconstructed in the stories: the establishment of a new settlement, the transition of Chavchuchen nomads' way of life to a sedentary lifestyle, the opening of the first school in Palana, a guest performance of the puppet theater, the beginning of work of the district Radio Broadcasting House. In her memoirs Ye. I. Dedyk tells us about such Kamchatka journalists as N. Igiklavole, A. Milgichil, about the Koryak artist K. Kilpalin whom she personally knew.

Key words: Key words: the Chukchi-Kamchatkan languages, the Koryak language, Koryak literature, written culture, autobiographical narrative, memoiristics

Жизнеспособность исчезающего миноритарного языка в условиях доминирующего двуязычия зависит от целого ряда факторов, среди которых отдельное место занимает развитие письменности [1, с. XIII]. В настоящее время развитие письменности является необходимым условием для поддержания языковой традиции. Необратимая ассимиляция коренных этносов Камчатского полуострова ставит под сомнение их будущность. Сейчас много говорят о сохранении языка и о роли языка в самосознании этноса, но не менее важную роль для сохранения этнического самоопределения играет исторический нарратив. Постепенная утрата устной повествовательной традиции воссоздания этнической истории восполняется через обращение к публикациям, к документальным этнографическим и историческим исследованиям, при этом особое значение приобретают публикации мемуарного характера. С одной стороны, они содержат

в себе документальные сведения о прошлом, а с другой, — насыщены искренними эмоциями рассказчика.

В период с 2009 по 2011 гг. камчатская журналистка Екатерина Ивановна Дедык, 1932 г. р., уроженка с. Воямполка Тигильского района Корякского автономного округа, носительница чавчувенского диалекта корякского языка подготовила серию рукописных рассказов-воспоминаний на корякском языке. Данные рассказы пока не опубликованы. Цель данной статьи — познакомить читателей с рукописным мемуарным наследием корякской журналистки.

Екатерина Ивановна Дедык (корякское имя Ёкав) родилась в 1932 г. в с. Воямполка Тигильского района Корякского национального округа. После окончания семилетней школы в пос. Палане Тигильского района семнадцатилетняя Ёкав по рекомендации учителей была зачислена в подготовительный класс при ЛГПИ им. А. И. Гер-

цена. Восемь лет Ёкав училась в Ленинграде. Окончив институт и получив специальность «учитель русского языка и литературы, учитель родного (корякского) языка», она вернулась в Палану. Здесь в течение 45 лет Е. И. Дедык работала журналистом в национальном отделе окружного Дома радио, была создателем и ведущей цикла передач «Поговорим по-корякски», для своих передач записывала аудиоматериалы в разных районах Корякского автономного округа. Награждена знаком «Отличник Всесоюзного радио и телевидения», является членом союза журналистов СССР и лауреатом премии им. С. Н. Стебницкого.

Психологическая потребность в памятовании объективно присуща человеческой культуре. По мере того, как устная традиция осмысления истории этноса уходит, функции трансляции культурной памяти переходят к письменным источникам. Беспристрастный взгляд этнографов, с одной стороны, претендует на объективное отражение ритуалов, празднеств, обычаев коренного этноса, но, с другой стороны, лишен эмоциональной составляющей. Подлинную жизнь этноса составляют не только ритуалы и обычаи, но и чувства, мысли, сомнения, переживания конкретных людей, представителей данного этноса. Субъективные переживания со временем становятся содержанием памяти отдельной личности, в свою очередь, память репрезентует себя в виде устных или письменных текстов. Устные нарративы являются достоянием узкого круга доверенных лиц, как часто бывает с семейными преданиями, и со временем исчезают, не оставляя после себя никакого следа. Тем ценнее то, что получает шанс противостоять забвению. Воссоздание личной истории в контексте исторических событий является жанрообразующим принципом сочинений мемуарного характера [2, с. 36]. Благодаря записи и публикации воспоминаний живая память становится памятью долговременной. Воплощаясь в виде письменного текста, субъективное воспоминание преобразуется в объективно существующий факт этнической культуры. Памятование побуждает не только рассказчика, но и читателей к саморефлексии, к размышлениям и, тем самым, к актуализации истории. Время не подвластно человеку, как не подвластны и многие обстоятельства его жизни, но сохранение памяти об ушедших людях, о прошедших событиях — во власти живущих. Воспоминание не только на-

поминает о том, чего уже давно нет, оно вновь и вновь воссоздает утраченное, наполняясь новыми оценками, новым восприятием. Ощутить себя причастным давно минувшим событиям — значит расширить горизонты своей памяти, суметь выйти за пределы своего бытового существования. Человек обретает себя, оглядываясь назад, осмысливая все произошедшее с ним и не с ним, восстанавливая утраченные связи.

Тексты-воспоминания Е. И. Дедык представляют собой документальные свидетельства периода переустройства традиционной корякской культуры на социалистический лад. Знаковые для локальной истории события: организация нового поселка, переход кочевников-чавчуинов к оседлому образу жизни, открытие первой школы в Палане, начало работы окружного Дома радио — предопределили и жизнь чавчуиновской девочки Ёкав. Волей судьбы, оказавшись свидетельницей переломных исторических событий, рассказчица сумела вернуться к ним много позже в своих воспоминаниях. Житейский опыт по прошествии многих лет оценивается ею как опыт исторический. Субъективные переживания маленькой девочки и, одновременно с этим, оценка минувших событий с позиции жизненного опыта отразились в рассказе Е. И. Дедык «Кукольный театр» [3]. Вспоминая, как в 1939 г. в Палану впервые приехали артисты кукольного театра, Екатерина Ивановна рассказывает о том, с какой радостью местные жители ждали театральное представление. В клуб пришло все население поселка: и дети, и взрослые, и старики. Старики сидели на полу, как привыкли у себя в ярангах. Е. И. Дедык вспоминает, что русские боялись корякских поясов, так как у коряков на поясах были закреплены ножи. В то время чавчуиновы чувствовали себя хозяевами поселка. Они были на своей земле, они еще жили по своим обычаям, владели своим оружием: *Титэ мыччалэв'ла, клуб гэмэлычг'эллин ваята, эминеч ынпычг'у кымицу мэтг'ану гатвагаллэнав' ив'лыскамейкак-вагалытконвык. Яқам туйетылг'у ымоу вагаллай оррастык. Ынпычг'ыйык яқам нэпйынэв' пэнкэв', наннепанав' баптик, лилив' наннепанав' мынгык. Йийиту гайыыв'алаёлга уйнуэ эпйыкэ. Гэтама ыйкың, гивэ, ына миңкые уйнуэ ачгыллёко. Ыччу эв'ын ыныг'ан вачг'атколг'о. Лэв'ту ипа миңкые гапаелэнав', пыллым мэтг'ану. Русскиыйык йимгымгу нэлуынэв' йийиту — в'алаёлго.* Когда мы вошли, клуб был заполнен

народом, достаточно много стариков, дети удобно уселись на длинных скамейках-сиденьях. Вновь прибывшие сразу садились на пол. Старики сразу сняли шапки, повесили на спину, рукавицы повесили на руки. Пояса с ножнами не сняли. Глядя на них, думаешь, как же им не жарко. Они уже так сидели. Головы как-то так пострижены, но все же красиво. Русские боялись поясов — [там] ножны' [3; здесь и далее перевод с корякского — Т. Г.].

Екатерина Ивановна с юмором отмечает, что зрители не понимали, что говорят русские актеры, и все же было очень интересно. Запомнилась грусть мамы, контрастирующая с общим весельем: мама смотрела на ножки кукольной вороны в детских колготках и вспоминала свою маленькую доченьку Ваваньо, которая умерла сразу после переезда в Палану. Страдания мамы Екатерина Ивановна описывает с тем сочувствием, на которое способна мудрая взрослая женщина, уже сама мама и бабушка [Там же, предл. 41–44].

Рассказывая о клубе, где состоялось первое представление кукольного театра, Екатерина Ивановна, ныне крещеная православная христианка, с сожалением говорит о том, что под клуб перестроили церковь. Стремление к объективному взгляду со стороны сменяется желанием выразить непосредственные детские впечатления. Воссоздавая внутреннюю речь маленькой девочки Ёкав, Е. И. Дедык передает свое удивление от вида ширмы и тряпочных «живых» кукол: *Кытав'ут г'уеви в'эллы гэмэлынтэуэ-тэв'лин. Гайпылэн пэукэн-фуражка, йыччыле-пыалг'ын. Гыткат ныг'умпиллябжинат, чапу-килг'ын. Чамьяб гыткат кунилуунин, тэбын кыюлг'ын. Вдруг появилась ворона, красиво одетая. Надета шапка-фуражка красного цвета. Ноги толстенькие, в сапогах. Да еще и ногами шевелила, словно живая'* [Там же, предл. 33–40]. Екатерина Ивановна фокусирует свой взгляд на том, что ее удивляет. В детстве ее поразила тряпочная, словно живая, Ворона в кепке и сапожках, а по прошествии семидесяти лет рассказчицу удивляет судьба актеров. Муж и жена, Владимир и Татьяна Корсак, москвичи, артисты театра кукол приехали на Камчатку, организовали театр на нартах и повезли свои кукольные представления в поселки Корякского автономного округа. Кукольный театр на нарте был известен в 1960–1980-е гг. по всей Камчатке [4, с. 99–108]. Завершая повествование, Е. И. Де-

дык вспоминает свою встречу с этими же актерами через двадцать пять лет после первого представления. Екатерина Ивановна уже — мама. Со своими детьми она приходит на спектакль, который когда-то видела, будучи семилетней девочкой. Глядя на неизменившихся кукольных героев того же самого спектакля, она понимает, как много перемен произошло в ее собственной жизни.

Воспоминания о детстве вызывают у рассказчицы противоречивые чувства. С одной стороны, детство наполнено счастливыми открытиями, первыми встречами, первым осмыслением мира. С другой, — взгляд в прошлое пробуждает чувство грусти. В семье Екатерины Ивановны не было взрослых мужчин. Вся семья состояла из четверых человек: бабушка, мама, сама Ёкав и младший братишка. Отец Екатерины Ивановны умер совсем молодым. В семье работала только мама. Без мужчины, семья Ёкав жила в постоянной нужде. В полных семьях довольство обеспечивали старшие мужчины — охотники и рыбаки. С благодарностью вспоминает рассказчица дедушку Андрияна из нымыланской семьи Мохнаткиных, который на протяжении летней рыбалки помогал нуждающейся семье пропитанием. Рассказ «Дедушка Андриян» начинается с недоумения рассказчицы по поводу того, что дедушку Андриана в поселке все называли «единоличник». Единоличники, не вступившие в колхозы, должны были вызывать всеобщее осуждение. Рассказчицу поражает несправедливость прозвища по отношению к тому человеку, который был по-настоящему трудолюбивым, добрым и бескорыстным [5, предл. 3–5]. Место летней рыбалки изображается как мир изобилия и счастья, в котором у Ёкав есть свой добрый защитник — дедушка Андриян из семьи Мохнаткиных. Создание письменного текста отчасти помогает восстановить справедливость, выразить не высказанные в детстве слова благодарности.

Записывая рассказы-воспоминания, Екатерина Ивановна следует за своими ассоциациями, поэтому создаваемый ею текст не укладывается в рамки обозначенной темы. Начиная повествование о дедушке Андрияне, изображая место летовки (летней рыбалки), мысленно обращается она к событиям XVII–XVIII вв., представляя себе, как в этих местах чавчувуены отражали нападения пришлых казаков и как, много позже, по этим местам проходил С. П. Краше-

нинников: *Гиллин XVIII век, в'утку гиллинэв' казаки, аму гаптылэнав', уанканжо ятан паёчатэ гычголтынуппиллязык камлил, янот гатоплэн камлэлыу выг'ая. Паёчатэ ятан ёпъёлгын. Эмэн в'очел гэлэйвылин г'оячекпэль Степан Крашенинников, ынно тумгытум Михаил Ломоносовын. Г'очкой, ыяванжо XVIII в. Петербурганжо гыг'эзэв'лин нав'чиуг'оячек Степан. Выг'аёк в'ыйин калинин лыгимитг'акаликал «Описание земли Камчатской».* *Был XVII век, здесь были казаки, наверное, вытоптали, с тех пор остался на вершине сопочки круг [поляна], раньше [он был] вокруг закрыт травой. Сохранилось только место становища. Именно здесь ходил паренек Степан Крашенинников, он друг Михаила Ломоносова. Да уж, издалека в XVIII в., из Петербурга, отправился любознательный юноша Степан. А потом ведь написал прекрасную книгу «Описание земли Камчатки» [Там же, предл. 10–13].*

Образ С. П. Крашенинникова, студента из Санкт-Петербурга, пробуждает в памяти рассказчицы воспоминания о любимом городе Ленинграде, в котором она провела время своей юности, обучаясь на филологическом отделении ЛГПИ им. А. И. Герцена. Рассказчице дорога история любимого города, она размышляет о названиях: «Санкт-Петербург» и «Ленинград», ассоциативные связи ведут ее дальше — к сопоставлению Санкт-Петербурга и Москвы. Размышления о Москве, в свою очередь, воскрешают в памяти рассказчицы образ первого корякского журналиста Николая Игиклавола, выпускника МГУ. Блуждая по причудливым лабиринтам своей памяти, Екатерина Ивановна, не скованная ожиданием внешней оценки, позволяет себе то уходить от выбранной темы, то снова к ней возвращаться. Отсутствие внешнего контроля позволяет рассказчице достичь свободного письма. Она не придерживается строго плана и идет за своими мыслями, ассоциациями и спонтанно возникающими попутными воспоминаниями.

Выбор темы повествования обусловлен субъективным ощущением значимости того или иного события. По прошествии лет некоторые детские впечатления осмысливаются пожилым человеком сквозь призму его жизненного опыта. В воспоминаниях наиболее отчетливо сохраняются ситуации, которые воспринимаются как пограничные. В рассказе «Кигигылг'ын — гроза» Е. И. Дедык воссоздает один из эпизодов своего детства: в осеннюю грозовую ночь она

с младшим братом, возвращаясь с летней стоянки в поселок, чуть было не сорвалась с высокого берега в бурную реку [6]. Рассказывая об опасном рельефе берега реки, протекающей у подножья скалы, Екатерина Ивановна вспоминает о трагическом случае, который произошел на этом месте с их земляком, утонувшем в глубокой реке. Е. И. Дедык повествует о том, как в начале осени она и ее младший брат Иван остались на летней рыбалке одни: все жители уже перебрались в поселок. Мама обещала прийти за детьми вечером, но к вечеру разразилась страшная гроза, ливень размыл тропинку от поселка до летника. Младший брат, не слушая никаких предостережений, решил отправиться в поселок по размытому обрыву. Ёкав пробовала его остановить, но брат настоял на своем. Ёкав вынуждена была подчиниться упрямству младшего брата и пойти следом за ним: ночь, проливной ливень, грохочущая гроза, по краю высокого обрыва — размытая тропинка, внизу — бурная глубокая река. В ту грозовую ночь школьница-Ёкав думала, что это последние часы ее жизни. Дальнейшие события Екатерина Ивановна всю свою жизнь воспринимает как чудо, как Божественное соучастие. Внезапно, как будто с неба, появился человек: дядя Акылы Нутанкавав в это самое время подходил к летнику, что-то понадобилось ему срочно забрать с летнего места рыбалки. Крепко схватились за него озябшие, промокшие ребята. Так дядя Акылы и привел Ёкав с ее упрямым братцем домой. С годами Екатерина Ивановна еще более убеждается в присутствии Божественного духа, помогающего человеку: *Эв'ын тыкэв'уывоу: муйык жонпыу чеймык ныйиштыжын инэгитэлг'ын котванвоу. Кэв'уыволау: ангел-хранитель, майнытажакалик тывылг'ын. Ынно иткэ, миукые аму мынг'ыайты габайтакалажа майныкигигылг'атныкик.* *И вот я думаю: с нами всегда рядом священный наблюдатель находится. Говорят: ангел-хранитель, в Библии сказано. Не будь его, как бы возвратились мы с братом в ужасную грозовую ночь [Там же, предл. 70–72].*

Чем больше проходит лет, тем острее воспринимаются события раннего детства. В рассказе-воспоминании «Начальная школа» первый школьный день предстает знаковым событием, как в личной истории рассказчицы, так и в истории всего поселка [7]. Екатерина Ивановна чувствует себя свидетелем историче-

ских перемен: в 1940 г. в Палане была открыта школа. В первый класс было записано девять учеников, среди них была и восьмилетняя Ёкав. Екатерина Ивановна вспоминает, как мамы готовили своим детям мешочки-котомочки для букваря, как взрослые и дети, в радостном ожидании, отправились все вместе в школу. По прошествии семидесяти лет Екатерина Ивановна в своих воспоминаниях со всей подробностью воссоздает свои впечатления от встречи с первой учительницей. Чувства восторга и удивления, охватившие маленькую Ёкав на первом уроке, не забылись с годами: *Кытав'ут пычгычгэти зорзун. Елживи митг'айин тэжын лянэ, г'алёчэу гэнайлялэн. Мую, в'итэвык, акумнумчыка мытывуолан гитэк елживылг'ын. Нюв'тыжэн, митг'алав'тыпыль, тэжын г'элючин, гатоплэн лыгэмэтг'апэпыткогычв'иё. Амъяйвачёу, ынин нилгыжинэв' кычв'ио? То лылат, тэжын г'иг'ыкин нэчгыжэнат? Г'ам урваж мэтг'ау гамалкалилин. Ымоу мытмалгэталан елживылг'ын.* Вдруг зазвенел звонок. Вошла красивая девушка, на куколку похожая. Мы, удивляясь, беззвучно начали смотреть на вошедшую. Худенькая, с красивой причёской, как будто у куколки, очень красиво волосы причёсаны. Что же это, у нее белые волосы? И глаза, словно небесные, светлые? И платье красиво разрисовано. Все мы разглядывали вошедшую [7, предл. 34–46]. Для чавчувенской девочки первая учительница — человек загадочного русского мира, противопоставленного всему знакомому и привычному.

Воссоздавая атмосферу первого школьного дня, Екатерина Ивановна использует эмоциональные риторические восклицания, риторические вопросы, сравнения, воспроизводит первую реплику, сказанную учительницей, и реплики удивленных ребят, пораженных тем, что светловолосая, голубоглазая учительница заговорила по-корякски. Воспоминания Екатерины Ивановны наполнены живыми, неканоническими подробностями. Перед выходом из дома в корякских семьях по традиции напильсь чаю, а в школе первоклассникам никто не объяснил, что можно поднять руку и отпроситься в туалет. Чувство восторга сменяется чувством неловкости и отчаяния. Как вспоминает Екатерина Ивановна, к концу первого урока дети так сильно хотели в туалет, что с криком выбегали из класса: в школе стоял ор [Там же, предл. 57–63]. Маленькая Ёкав, не вытерпев, описалась на уро-

ке и от стыда не пошла на перемену. Непарадные, но достоверные подробности воссоздают сложную психологическую атмосферу пересечения своего и чужого миров. Впервые маленькую Ёкав охватывают противоречивые чувства: с одной стороны, — удивления, радости и восторга, а с другой, — страха, стыда и отчаяния. В рассказе «Начальная школа» появляется образ подруги-соперницы. Между строк проскальзывает обида, которая не утихает с годами. Подруга смогла схитрить и избежать позора: она отпросилась выйти из кабинета, сказав, что хочет покушать. Ёкав чувствует свою незащищенность перед пугающим внешним миром. Поступление в школу влечет за собой смену социальной роли. Теперь Ёкав не только любимая внучка и дочка, но еще и ученица. Уютный мир дома сменяется непривычным, чужим миром школы. Другое пространство призывает к другим правилам поведения, пока еще не известным и не освоенным. В школе, в первые дни учебы маленькой Ёкав приписали чужую фамилию «Наривлич» — это фамилия злого отчима, с которым мама девочки прожила всего один год, именно тот год, когда Ёкав пошла в первый класс. Всю свою жизнь Екатерина Ивановна не могла смириться с тем, что ей приписали фамилию отчима. На Камчатке Екатерину Ивановну знают по ее фамилии в замужестве — Дедык. Воспоминания о роковом эпизоде школьного «имянаречения» на протяжении всей жизни не отпускают Екатерину Ивановну. Вновь и вновь она возвращается в своих мыслях к тому моменту, когда происходило заполнение школьного журнала, когда с подачи случайных выкриков бойких ребятшек ей приписали фамилию отчима, тем самым лишили ее связи с отцовским родом Чечулиных. В своем повествовании она подчеркивает, что ее настоящая девичья фамилия — Чечулина. «Мы карагинки», — передает она слова своей родной тети по отцу. Когда к 100-летию Кецай Кеккетына мы совместно с Екатериной Ивановной готовили повести первого корякского писателя к переизданию, она настояла на том, чтобы ее официальная девичья фамилия «Наривлич» вообще нигде не упоминалась. В книге так и записано: «Екатерина Ивановна Дедык, по родному отцу — Чечулина». С позиции прожитых лет рассказчица пробует понять, как она допустила, что ей приписали чужую фамилию: «Г'ам гыччи миңкые калик?» «Бок ынно Ёкав, энъич Наривлич». Гыммо лиги мивык, алван

фамилия натвын. Ёиуын, Чечулина. Ёаянунав'ую. Нынны пэнин пэлэтэ. Эчги гивэ: буччев' кымиуу эв'ын ыпполёнуо гамитытвиллинав' юнэтык. Гыммо гээулин аму эйгучев'кылг'игым юнэтык ыппав'кэнау. «А тебя как записать? «Да ведь это Ёкав, отец Наривлич». Мне бы сказать, [что] неверно фамилию назвали. На самом деле, я Чечулина. Мы карагинки. Имя осталось, [как записали]. Сейчас думается: некоторые дети уже с детства умеют жить. А я почему-то [так и] не научилась жить и в старости» [Там же, предл. 69–76].

Екатерину Ивановну поражает собственная немота, немота маленькой девочки Ёкав. Дважды на протяжении рассказа «Начальная школа» обращается рассказчица к эпизоду рокового имянаречения, словно стремится наделить голосом ту застенчивую девочку, которая в тот момент не понимала, да и не могла понять, что ее лишают возможности по праву чувствовать себя частью большого рода карагинских коряков Чечулиных. Весь эпизод словно соткан из диалогических реплик, отражающих многоголосие бойких первоклассников: каждому хочется сказать свое имя, да еще и дать пояснения по поводу имени одноклассницы. Но среди этого многоголосия нет голоса маленькой Ёкав. Прожив долгую жизнь, пережив всех своих одноклассников, Екатерина Ивановна вновь возвращается к детским воспоминаниям, чтобы в своих рукописях объяснить нелепую ошибку и рассказать правду о своей настоящей фамилии. Записывая свои рассказы, Е. И. Дедык дает оценку и событиям, и людям. Очень добрые слова произносит она в адрес библиотекаря Николая Павловича Доброхотова. Чувство благодарности не уходит с годами, а напротив, становится еще более сильным.

Символична композиция рассказа «Начальная школа». Воспоминания о первых уроках в начальной школе, о незабываемых экскурсиях, о заслуженной грамоте за хорошую учебу наполнены восторженными, захватывающими эмоциями, которые резко контрастируют с признанием неизбежной конечности человеческой жизни. Радостное, по-детски восторженное начало рассказа в финале сменяется размышлениями о прожитой жизни: *Янот класс ёоньг'айычыуэкэнамоё. Эчги галак ынввыё гэвэгыйноу, пыче малеёча тыкуеюэннуу, тит г'атав' вама калик гымык тумгыкйит. Мыев' эчги уйуэ ныг'аллай. Ёутинычгин котвалау эв'ын мэйнэ-*

тылг'у ыльыкмиуу, ёутинычгин епты кымиуу эмэч ыволай ынпэвык. Ёиуыг'ан итылг'ын юнэт, этг'у миукыеу. «Сначала в классе нас было девять. Сейчас прошло много лет, пока потихонечку живу, чтобы писать о своих товарищах. Потому что сейчас их не стало. У некоторых уже повзрослевшие внуки, у некоторых дети уже начали стареть. Такова жизнь, что поделаешь» [Там же, предл. 122–126].

Завершая свой рассказ, Екатерина Ивановна с грустью признает, что из всей группки дружных первоклассников, никого, кроме нее, не осталось. Размышления о судьбе, об отпущенном человеку времени жизни побуждают Екатерину Ивановну исполнить роль последнего свидетеля. Время старости наполняется для рассказчицы глубинным смыслом: ей необходимо записать свои воспоминания, необходимо сохранить память о тех, кто не может уже написать о себе, о тех, чье бытие находится в преддверии полного забвения.

Текст-воспоминание позволяет предотвратить полное исчезновение прошлого. Оглядываясь назад, перебирая в памяти знаковые встречи, с особой теплотой Е. И. Дедык вспоминает первого дипломированного корякского журналиста Николая Игиклавола, с которым она познакомилась сразу после своего возвращения из Ленинградского педагогического института в Палану. В 1958 г. они некоторое время работали вместе в сельсовете пос. Палана. Екатерина Ивановна с восхищением пишет о корякском мальчишке-сироте, который смог поступить и окончить Московский государственный университет [8, предл. 31–33].

Рассказывая о своих встречах с Колей Игиклаволом и понимая, что его голос теперь звучит только в ее воспоминаниях, Екатерина Ивановна воссоздает его реплики, его шутки, его рассказы об учебе в университете Коля Игиклавола трагически погиб совсем молодым, не успев даже жениться. Екатерина Ивановна знает, что Коля был влюблен в нее. Она не может не думать о том, что, если бы тогда она ответила ему взаимностью, его судьба была бы иной. Рассказчица старается примирить себя с трагической кончиной молодого талантливый корякского журналиста, пытается убедить себя в том, что все случилось так, как должно было случиться, что к моменту встречи с Колей она уже познакомилась со своим будущим мужем Олегом Дедыком и ее судьба тоже была предопре-

делена. И все же, рассказ о Николае Игиклаволе пронизан грустью и нежностью, размышлениями о невоплощенной судьбе, о неисполненных мечтах. Екатерина Ивановна, прожив долгую жизнь, уже будучи мамой четверых сыновей, имея внуков и правнуков, с материнской заботой сетует на беспечность Коли, его небрежность в одежде, которая в итоге оказалась роковой [Там же, предл. 58–60]. Коля Игиклаво, первый дипломированный журналист Корякского автономного округа, замерз во время пурги в Олюторском районе. Для Екатерины Ивановны важно воссоздать в своем рассказе историю гибели Коли. Она не была свидетельницей тех трагических событий и знает о них по рассказам очевидцев: Коля вышел из заглохшего вездехода посмотреть путь и не смог вернуться обратно — замерз на обратном пути к вездеходу. Рассказывая о гибели Коли, рассказчица шаг за шагом пытается описать роковые события зимней ночи, чтобы понять, как в присутствии стольких людей могла произойти такая трагедия. Екатерина Ивановна передает реплики попутчиков, их стремление удержать Колю от необдуманного решения, их тщетные поиски пропавшего, их отчаяние и состояние полной безысходности. Прошлое нельзя изменить, но можно сохранить память о нем. Памяти Николая Игиклавола был посвящен документальный фильм «Яяна» о жизни Корякского национального округа. Фильм режиссера Валерия Горбикова, снятый в начале 1960-х гг., сегодня воспринимается как кинохроника — так далеки от нас события, отраженные в киноленте. Съемки этого фильма проходили при участии сотрудников окружного Дома радио, среди которых была Екатерина Ивановна Дедык. В рассказе «Кино — Яя» [9] она вспоминает, как в солнечный декабрьский день в Палану приехала группа операторов. Руководил съемками молодой журналист Валерий Горбиков. Работа по созданию документального фильма — не рядовое событие для жителей округа, именно поэтому рассказчица стремится как можно более точно передать атмосферу проведения съемок. Она воссоздает реплики режиссера, рассказывает, как он тщательно выбирал ракурс, потом просил журналистов закутить. По его замыслу, рассеявшийся по кабинету дым должен был создать ощущение рабочей атмосферы. С юмором она вспоминает, как женщины выбирали наряды для съемки, как во время съемки она заметила дырку подмышкой у

одного их сотрудников и шепнула ему, чтобы он не поднимал руку. Светлые воспоминания о временах молодости округа сменяются размышлениями о быстротечности времени, о необратимости перемен, о неизбежности финала человеческой жизни: *Тыкукалиуын, унмык тыкэмүолуң, мыев' уынвычгае кинак валг'о эчги уйүэ ныг'аллай. Игыньүиник тыкивыу: в'алю эчги гыматык енумэкэв'уык ею ынҕо нитуйг'эв', акалика мытынтынэв'.* «Пишу и очень сильно тоскую, потому что многих из тех, кто в кино, сейчас уже нет. Я так думаю: хотя бы сейчас постараться собрать что-то новое, [что мы еще] не записали» [Там же, предл. 58–59].

Письмо за письмом Е. И. Дедык воссоздает в своих рассказах образы ушедших людей, встречи с которыми считает особенно важными. Одна из них — встреча с корякским художником Кириллом Килпалиным. Теперь его имя известно каждому жителю Камчатки [10, 11]. Самобытный художник, в работах которого отразились мифологические образы и популярные сюжеты корякского фольклора, сегодня воспринимается как человек-легенда. Все меньше остается людей, которые помнят, каким он был в жизни, и все больше тех, кто воспринимает Кирилла Килпалина через его картины, через записанные им сюжеты преданий и сказок. Его образ постепенно мифологизируется и становится частью культурного пространства Камчатки, словно он и не был никогда живым человеком со своими причудами и проблемами. Вспоминая о своих встречах с Кириллом Килпалиным, Екатерина Ивановна избегает канонизации его образа. Она рассказывает о том, как после окончания второго курса Владивостокского художественного училища Кирилл Килпалин вернулся в Корякский автономный округ и был принят на работу в паланский Дом культуры художником. В это время Екатерина Ивановна уже работала журналистом в окружном Доме радио. Неказистый вид приветливого паренька вызывал у нее добрую улыбку: *Нынпулюҕинапиль, в'аччывэллэг'ын, аму, ыпполёнҕо, нэлвылг'ык вама, гакьёлэн. Уйүэ ебуэ унмык ив'лэткэ, то ныгынкыҕин. Ҕэй титэ йытг'этык, ҕонпыу тэҕын яҕын гэйиг'эллин. Аму маңэн-гивик кытав'ут Паланык выччануывой г'оячек, кэв'лау, ынно митылг'ын рисоватык. Уйүэ мэки муйык эв'итэв'кэ кэнүволау. Пыче Дом культурыак яҕын-уын ков'эннянуывоу, ипа татылэ-*

тың. Ыонпың тыкойытг'ануывоңын г'оячек-пэль никмыпилляузын, в'айчетгыйуын, тэзын эмнууык уэлвылг'ык: малета, уйуэ айык-чав'кылг'эн, ичг'ылг'ытыль г'оячек. «Малюсенький, глуховатый, наверное, с детства, в табуне находясь, простудил. Высоким не вырос, но приветливый. Хоть когда встретишь, всегда словно чему-то радуется. И вот в какой-то год вдруг в Палане появился парень, говорили, [что] он умеет рисовать. Никто не удивился. Сначала в Доме культуры в чем-то начал помогать, хотя бы на праздниках. Всегда я стала встречать парнишечку низенького, походка, словно в тундре в табуне: потихоньку [идет], неторопливый, в кухляночке парень» [12, предл. 5–11]. Ситуация, которая позже будет осмыслена рассказчицей как историческая, воссоздана в тексте в предельно личностном восприятии.

Молодому художнику Кириллу Килпалину дали комнату в госпромхозовском доме на самой окраине Паланы. В одной из комнат этого дома по воле поселковой администрации жила и молодая семья Екатерины Ивановны Дедык. Беседы соседей — дело будничное. Значительность этим разговорам придает последующая жизненная история собеседников. По прошествии многих лет, воспоминания Екатерины Ивановны Дедык о разговорах с соседом по общежитию, будущим знаменитым художником Кириллом Килпалиным, приобрели статус исторического свидетельства. В своих воспоминаниях она передает слова Кирилла о причинах, побудивших его бросить учебу во Владивостоке: очень скучал по дому, да и тяжело было жить совсем без денег [Там же, предл. 42–48].

Е. И. Дедык вспоминает, как Кирилл Килпалин, уже признанный художник и писатель, был приглашен в окружной Дом радио для записи сказок на алюторском языке. Екатерину Ивановну поразила его артистичная манера исполнения: рассказывая популярную корякскую сказку о драке рыб, он так вживался в образы героев (дерущихся рыб), что начинал в азарте повторять все их движения, и от этого комичного изображения хохотал сам. Е. И. Дедык задается вопросом, где сейчас могут храниться аудиозаписи алюторских сказок в исполнении Кирилла Килпалина, ведь окружной Дом радио давно закрыли. Вопрос остается без ответа. Завершая свое воспоминание, рассказчица вспоминает о своей последней встрече с художником, которая состоялась уже после его смерти,

когда Екатерина Ивановна поехала на место летовки, в его любимую Тополёвку. Кирилл уже не было в живых. Гостью встретила приветливая молодая женщина — жена Кирилла Васильевича. По стенам домика были развешаны картины художника, лежали кисти, были открыты краски. Все было пронизано его духом, словно он был где-то рядом. Случайные встречи с годами осмысляются как встречи далеко не случайные. Значение настоящего нередко проясняется только в будущем. Стараясь уберечь от исчезновения значимое прошлое, Екатерина Ивановна записывает свои рассказы-воспоминания. К значимым событиям своей жизни она относит и встречи с Антониной Милгичил (Власовой). Е. И. Дедык вспоминает, как в Палану из Франции после триумфальных гастролей вернулся ансамбль «Мэнго». Радость, восторженное ликование, казалось, охватило весь поселок: «Наши артисты-мэнговцы были во Франции!» Среди танцующих на сцене девушек она впервые увидела Антонину Милгичил. Рассказывая о судьбе Антонины, Екатерина Ивановна использует принцип контрастного изображения. После замужества Тони удивительная, сказочная жизнь на сцене сменилась прозаической, психологически сложной жизнью замужней женщины, вынужденной терпеть причуды своего мужа [13, предл. 14–17]. Вспоминая об Антонине Милгичил, Екатерина Ивановна рассказывает о ней как о хорошей подруге. Их дружба началась после того, как Антонина, завершив после рождения сына артистическую карьеру, пришла работать в окружной Дом радио. И начались совместные командировки в Седанку, Тигиль, подготовка радиопередач. Е. И. Дедык с восхищением отмечает, что Антонина смогла освоить ительменский язык и начала вести передачи на нем, записывала сказки и песни в исполнении ительменов, их воспоминания о жизни ительменских семей. Екатерина Ивановна размышляет о судьбе подруги: муж бросил ее, уехал из Паланы, появился друг, который начал угощать спиртным: «Так и не смогла бросить это пьянство». Екатерина Ивановна принимает не только силу, но и слабость человеческой природы: творческие, смелые планы нередко остаются невоплощенными. Истинная история жизни далеко не всегда имеет счастливый финал. О смерти Антонины Екатерина Ивановна узнала, находясь в больнице. Болезнь не позволила Е. И. Дедык попрощаться

с подругой. Как прощание, как последняя встреча звучит ее рассказ-воспоминание об Антонине Милгичил.

Воспоминания Екатерины Ивановны о людях, с которыми волей судьбы была связана ее жизнь, перемежаются размышлениями об исторических личностях — исследователях Камчатки. Эпизоды из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» побуждают рассказчицу обратиться в своих повествованиях к историческому прошлому родных мест. Екатерина Ивановна, опираясь на исторические свидетельства, воссоздает в своем воображении то далекое время, когда С. П. Крашенинников приехал на Камчатский полуостров. Для Е. И. Дедык чрезвычайно важен психологический контекст ситуации. Бесстрастные биографические сведения о С. П. Крашенинникове в рассказах Екатерины Ивановны дополняются психологической трактовкой его характера. Ей важно представить Крашенинникова не как исторического деятеля, но как человека близкого ей по духу [6, предл. 12–14]. Для Е. И. Дедык история изучения Камчатки пронизана вневременными личностными духовными связями. С особенной теплотой пишет она об этнографе, лингвисте, учителе Сергее Николаевиче Стебницком (1906–1941). Его книга о корякских ребятах «Школа на тундре» [14], написанная им после годичного преподавания в школе с. Кичига, наполнена достоверными подробностями из жизни маленьких корякских школьников. «Школа на тундре» — одна из любимых книг Екатерины Ивановны. Ее поражают точные наблюдения молодого учителя, психологическая достоверность изображения характеров корякских школьников. Екатерина Ивановна читала эту книгу множество раз, узнавая в героях этой книги себя и своих одноклассников [7, предл. 1–5].

История изучения Камчатки воспринимается Екатериной Ивановной как неотъемлемая часть своей личной истории, но и ее личная история становится частью истории корякского этноса. События, о которых Е. И. Дедык повествует в своих воспоминаниях, нередко имеют историческое значение. Екатерине Ивановне присуще осознание собственной миссии — быть хранителем этнической истории, которая, не будучи записанной, исчезнет в небытии. Именно поэтому для нее важно быть документально точной, указывать имена, выстраивать хронологию, воссоздавать подробности давно минувших событий.

Сила эмоционального воздействия мемуаров Е. И. Дедык обусловлена их психологической достоверностью, предельной детализацией, документализацией произошедшего. Автобиографические рассказы создают ощущение неофициальной истории, истории к которой мы не привыкли, но именно эта история вызывает у нас искренние ответные чувства, порождает у читателя чувство сопричастности далеким событиям. Индивидуальные биографические истории бесценны для воссоздания исторического нарратива исчезающего этноса, т. к. содержат не только достоверные факты этнической истории, но и воздействуют на эмоциональную сферу ныне живущих. Культурная память не есть нечто статичное, напротив, публикация текстов, их чтение, размышления о прочитанном порождают новое осмысление давно минувших событий. Публикация текстов мемуарного характера на национальном языке с переводом позволяет осуществлять коммуникацию в долгосрочной перспективе, тем самым создает условия для межпоколенческой трансляции культурной памяти даже в условиях критического бытования исчезающего языка.

Библиографический список

1. Михальченко В. Ю. Введение // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 2. — М.: Academia, 2003. — С. IX–XXVIII.
2. Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. — 1999. — № 1. — С. 35–55.
3. Дедык Е. И. Виткукин гымнин то эньпичитгин г'элочин театр _Первый мой и родителей кукольный театр_. Рукопись на корякском языке. 55 предл. Личный архив Т. А. Голованевой.
4. Кравченко В. Т. След Ветра: очерки о культуре Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2007. — 587 с.
5. Дедык Е. И. Аппапилякьет Онтрияныкьет _О дедушке Андрияне_. Рукопись на корякском языке. 76 предл. Личный архив Т. А. Голованевой.

6. *Дедык Е. И.* Кигигылг'ын *Гроза*. Рукопись на корякском языке. 75 предл. Личный архив Т. А. Голованевой.
7. *Дедык Е. И.* Виткукин яйгочав'нъяяна *Начальная школа*. Рукопись на корякском языке. 127 предл. Личный архив Т. А. Голованевой.
8. *Дедык Е. И.* Коля Игиклавол. Рукопись на корякском языке. 91 предл. Личный архив Т. А. Голованевой.
9. *Дедык Е. И.* Кино «Яна». Рукопись на корякском языке. 70 предл. Личный архив Т. А. Голованевой.
10. *Санакоев В. В.* Художник Кирилл Килпалин. — Петропавловск-Камчатский, 1993. — 33 с.
11. *Килпалин:* Живопись, проза, письма, воспоминания / Авт.-сост. В. Т. Кравченко. — Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010. — 316 с.
12. *Дедык Е. И.* Кирилл Килпалин. Рукопись на корякском языке. 84 предл. Личный архив Т. А. Голованевой.
13. *Дедык Е. И.* Антонина Власова. Рукопись на корякском языке. 53 предл. Личный архив Т. А. Голованевой.
14. *Стебницкий С. Н.* Школа на тундре. — М.; Л.: Мол. гвардия, 1932. — 156 с.

УДК 811.111

Н. А. Каразия, Л. М. Раджабова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЦЕНАРИЯ АМЕРИКАНСКОГО СИТКОМА)

Аннотация: статья посвящена проблеме перевода на русский язык средств создания комического эффекта в тексте сценария американского юмористического сериала. В работе определяются концептуальные основы исследования, и проводится анализ ряда примеров.

Ключевые слова: комический эффект, юмор, стилистические средства, приемы перевода

N. A. Karaziya, L. M. Radzhabova

IMPLEMENTATION OF HUMOROUS EFFECT IN TRANSLATION (AS EXEMPLIFIED IN AMERICAN SITCOM SCRIPT TRANSLATION)

Abstract. The article is devoted to the problem of translating humorous effect creation means used in the American comedy series script text from English into Russian. The authors define the conceptual grounds of the research and analyze a range of examples.

Key words: humorous effect, humour, stylistic devices, translation techniques

Неослабевающий интерес к проблемам порождения и восприятия юмора обусловил появление ряда лингвистических исследований языковой реализации комического в различных типах текстов и воссоздания комического эффекта при переводе. Данное направление обеспечивает широкие возможности для комплексного изучения феномена комического и связанной с ним переводческой проблематики в рамках современной гуманитарной парадигмы, с привлечением междисциплинарных категорий прагматики, социолингвистики, межкультурной коммуникации.

Наука о переводе с момента ее появления было тесно связана с проблемами стилистики,

поскольку переводчик всегда стремился не только передать смысл текста на иностранном языке, но и попытаться воплотить в переводе способы концептуально-экспрессивного выражения сообщения, учитывая возможности родного языка.

Вопросы адекватного отражения в переводе стилистических средств, а также сохранения стиля в переводе, всегда были самыми трудными и дискуссионными. Поскольку стилистическая система охватывает все аспекты языка, передача в переводе особенностей стиля связана с серьезными трудностями. Одним из сложных лингвистических аспектов перевода является передача юмора, под которым понимается